

УДК 008

doi: 10.18101/1994-0866-2017-2-20-28

**ФИЛОСОФСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА НЕОВИЗАНТИЗМА:
ПОИСК «РУССКОЙ ИДЕИ»**© *Винничук Александр Александрович*

аспирант, Южный федеральный университет

Россия, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

E-mail: a250290@ya.ru

В статье рассмотрена эволюция течений неовизантизма и археоавангарда в русской общественной и философской мысли. Выделен основной круг философских идей движения неовизантизма, показаны перспективы его развития. Неовизантизм позиционирует себя как центр сопротивления обществу тотального нигилизма, в которое скатывается человечество, особенно западное общество, в то же время философская мысль неовизантийцев возводит географическое положение России до уровня символа самого высокого порядка. По мнению ряда критиков, представленная стратегия представляет собой формулу катастрофы, поскольку путь евразийства — это дорога вечной конфронтации, активизация пропаганды ура-патриотизма и политики изоляционизма.

Ключевые слова: неовизантизм, евразийство, археомодерн, русская идея, западники, славянофилы, археоавангард, общество, запад, нигилизм.

Историческая судьба России опровергает схемы, устанавливающие жесткие границы культурно-исторических ареалов Запада и Востока. Евразийское положение страны приобретает в русской культуре символическое значение для национального самосознания. В публицистическом творчестве важнейшим вопросом с момента возникновения философской публицистики и до нынешнего времени является живая взаимосвязь чувственно сосуществующих существ — русского общества, образуемого причастными друг к другу личностями, его ориентиров и выбора дальнейшего социально-исторического пути. Борьба «западничества», у истоков которого стоял П. Чаадаев, и славянофильства — постоянная детерминанта развития русской культуры и философии, и, как было замечено М. Мамардашвили, ничего принципиально нового взамен этой идеологической борьбе не смог предложить весь XX век.

Современная русская философская мысль, отраженная в публицистическом творчестве, выражает противоречивые устремления общества. Она представлена двумя направлениями: с одной стороны, не прекращаются попытки найти обоснование духовности в русской православной традиции. Ярким примером этого является «Неопатристический синтез» Сергея Хоружего (1994), отмечавшего, что Россия сформировалась на базе византийского православия, последним творческим взлетом которого был исихазм — мистика безмолвной молитвы и ментального созерцания фаворского света. Так как исихазм не получил развития из-за внешних причин (гибель Визан-

тии под натиском турок), русская культура должна взять на себя миссию продолжения этой традиции.

Сегодня, когда Россия и весь мир сталкиваются с различными проблемами глобального существования: религиозными, политическими, экономическими, нравственными и т. п., значимость философской публицистики особенно актуальна. Некоторые из этих проблем уже осмысливались в прошлом, другие поставлены в тот исторический период, который принято называть «современностью». Новизна исследования обусловлена тем, что современная русская философская публицистика, представленная творчеством философов направления неовизантизма, научному изучению не подвергалась.

То, что старое идеологизированное государство рухнуло и на его руинах возникает другое, создает ситуацию, при которой от философии требуются «новые жертвы», ибо новое государство также нуждается в некоей государственной идеологии как составной части национальной идеи, если говорить современным политическим языком. В ситуации разочарования в модернизации и демократии в российском обществе происходит некоторый откат к домодерным идеям: патриархальности, корпорации, исключительности собственной культуры, архаических мифологий «сильного вождя», «великой истории», «великой нации» и т. д.

Крупный представитель русского неовизантизма философ Александр Дугин — острый критик и демистификатор так называемой постфилософии. Мир постмодерна, в который, по мнению автора, стремительно скатывается человечество — мир тотального безумия матрично-компьютерных биороботов. Этот мир принудительно навязывается Западом всему человечеству: *Если говорить об автономном национальном каноне для России, то, чтобы его создать, мы, безусловно, должны предварительно досконально изучить парадигмы Запада, чтобы от них освободиться, отделиться и выстроить, структурировать собственное национальное знание...[4].*

Современный мир, по Дугину, оказывается захваченным тотальным нигилизмом, в нем все смешано и извращено. Дугин тоскует о божественном присутствии, которое покинуло бытие. Мир расколдован, его больше не оплодотворяют небесные энергии, а люди в нем лишены связи с традицией. Они превращаются в «нелюдей», становятся «скорлупами».

В статье «Археомодерн» Дугин высказывает мнение, в соответствии с которым Россия после петровских реформ застыла в тупиковом состоянии археомодерна. Обществу помимо его воли были привиты чуждые ему нравы — парадигма модерна. Россия сбилась с собственного пути, и это, утверждает философ, одинаково понимали и славянофилы, и западники. Правда, пути решения этой проблемы были разные — славянофилы предлагали вернуться к архаике, западники — окончательно утвердить модерн.

Парадигма модерна «сухо-рационалистична», в ней заложено отрицание трансцендентного, удаление от истоков традиции. В результате русская нация перестает «чувствовать», но и рационально мыслить еще не может. Модерн делает акцент на обычное моральное совершенствование. Притом

что архаика ориентирована на небо, на вечное ожидание конца времен и рождение Новой земли и Нового неба, на подвиги прорыва к внутреннему, к Новому человеку. Дугин намечает линию противостояния между сакральным и тем, что связано путами нигилизма. Являясь противником советского строя, Дугин при этом видит в социализме и коммунизме некие черты сакрального, чего начисто лишен современный либерал-капитализм.

Здесь неизбежно возникает важнейший вопрос, только ли русская общественно-философская мысль страдает такой склонностью к «национальному», а не безлико-универсальному мышлению? Уникальность русской философской публицистики, проявляющаяся в освоении религиозного опыта средствами философствования, ведет к утверждению ее «особого пути». Он противопоставлен пути западному. Кажется, что отечественная философская традиции («философия страдания и прозрения») несовместима с традицией рациональной рефлексии Западной Европы, поэтому попытки интерпретировать русскую мысль как извечное выражение национальных и религиозных идей («русских идей») объективно отливаются в формы анти-национальной национальной исключительности.

Неовизантизм представляет собой, безусловно, интересное направление современной философской мысли. Он имеет тенденцию позиционировать себя не столько как философию, сколько как идеологию, необходимую России для выполнения своей всемирно-исторической миссии. В этом плане концепцию неовизантизма можно воспринимать и как частный случай «русской идеи», и как наднациональный геокультурный проект. В этом плане идея русского византизма, идея России как Северной Византии, как Северного Катехона, как Третьего Рима это не наследник авторских опытов русской идеи как третьего, христианского пути между секулярным Западом и языческим Востоком, а одна из доминант русской политической мысли вообще.

Характеризуя первое постсоветское десятилетие, Дугин вводит метафору пьяных лет: *Сейчас Россия стоит на распутье и думает, что делать с пропитыми в кабаке семьей, детьми и братьями, домами и землями* [3]. Нулевые обозначаются Дугиным как годы, в которых старая идентичность была подорвана, а новая еще не укрепилась. Это годы парадоксальных сочетаний, а роль демиурга в них занял бывший глава президентской администрации Владислав Сурков, который придал нулевым «стратегию микса»: патриотизм соседствовал рядом с либерализмом, идеологические конструкции суверенной демократии, свободы и справедливости были искусственно притянуты друг другу, либералы стали почвенниками, олигархи — социалистами, патриоты — демократами.

В идеологической парадигме нулевых все недвойственное отсекается — собственно западная либеральная демократия становится суверенной, а чистый нелиберальный патриотизм превращается в буржуазный модернистский национализм.

Также Дугин обращает внимание на любовь политиков 2000-х к парадоксальным семантическим сочетаниям, уходящим своими корнями к искусству апории и дзен-буддистского коана («управляемый хаос», «нелибе-

ральный капитализм»). При этом такая помесь византизма с постмодернизмом, замечает философ, сопровождалась в нулевые «триумфом бессмыслицы, дурного вкуса и похабщины» [2].

Главный вопрос, который волнует философа, сохранится ли Россия как цивилизация. Так, Россию до присоединения Крыма философ называет «Корпорацией» (потому что было сделано много прагматических шагов для того, чтобы страна не распалась, а могла как бы зависнуть в воздухе в ожидании определения своего дальнейшего пути), а после присоединения она наконец-таки стала «Цивилизацией», особой миссией которой издревле было противостояние Западу и равновеликость со всем Западом, а не пребывание в статусе одной из его частей.

Вопрос, восклицает Дугин, состоит в том, какое государство упадет первым — неопределившаяся Россия или «империя лжи и удовольствий» США. А падение одного из них так или иначе окажется неизбежным. Если первой рухнет Россия, США будет «падать плавней и мягче», если США, то у России уже не будет времени для того, чтобы подготовить новые идеологические, политические и экономические формы, отличные от современных западных, либерально-демократических. Поэтому, утверждает Дугин, надо все дальше и дальше оттягивать падение обоих режимов, чтобы выиграть время, а иначе даже при падении США наша построенная по американскому образцу система мгновенно рухнет вслед за ней.

Модальность высказываний Дугина жестка. В статье «Рынок, демократия, права человека — пошли вон!» словосочетание «не должно быть» повторяется не единожды: «не должно быть представительской демократии», «не должно быть рыночного общества», «не должно быть идиотской, противоестественной, извращенной идеологии прав человека».

Эклектизм Дугина проявляется в том, что в одной статье могут соседствовать марксистско-ленинская риторика и возвышенная лексика: «гегемонические террористы-американцы, которые держат всех под своим сапогом» стоят рядом с поэтическим выражением «сбросить американское ярмо».

В своих статьях Дугин не избегает использования слов с однозначной стилистической окраской. Например, он может открыто называть современную русскую культуру «культурой хамов». Для убеждения в своей позиции Дугин прибегает к выразительной тавтологии, называя современные нормы поведения «хамским идеалом хамского успеха». Философская аллюзия Левиафана, которым он обозначает современного хама, мирно уживается в тексте Дугина с призывом спрятать таких людей в гетто.

Обращаясь к личностному аспекту бытия в статье «Это и есть безумие», Дугин отмечает тенденцию увеличения количества безумных в современном российском обществе. Он связывает ее с воцарением особого типа дискурса, в котором нельзя построить некую цельную систему понимания мира — «вместо мира остаются отдельные фрагменты». Надо отметить, что исчезающий смысл связывается Дугиным с расщатыванием бинарных оппозиций, а это является отличительной чертой философии постмодернизма.

В статье «Это и есть безумие» Дугин ссылается на Мартина Хайдеггера, который ввел понятие «одержимости»: животные одержимы, они все

время что-то ищут. При этом поиск у них становится самоцелью. Человек тоже ищет, но его поиск осмыслен — он ищет смысл. Он тот, кто должен придавать бытию смысл, задумываться о бытии, отвечать на его вызовы, а не просто летать, как пчела, или ходить по забору, как кошка. С одной стороны, говорит Дугин, мы одержимы карьерой, не задумываясь над тем, для чего она нам. С другой — жизнь фрагментирована настолько, так превращена в наборы не связанных между собой «простых вещей», что человеку в ней ничего не остается, кроме того, чтобы придерживаться одной из уже данных моделей поведения, хотя на самом деле таких моделей бесчисленное множество, и они не даны как что-то изначально существующее.

В эссе «Герои бронзового века» Дугин выступает против позиции, согласно которой России для дальнейшего развития нужно имитировать Запад, осуществляя лишь техническую модернизацию общества. Его творческий поиск, начавшийся с отсылок к бронзовому веку и первобытной общине и пришедший к описанию парадигмы постмодерна, в которой текст сознания и текст реальности больше не одухотворен высшим божественным текстом, приводит Дугина к мысли о том, что российская элита, какой бы разнородной она ни была, должна в итоге прийти к русскому, к которому в свое время обращались и «африканец» Пушкин, и «полуеврей» Блок и в целом весь Золотой и Серебряный век русской культуры. Чтобы Россия «проснулась», элита, которая занимается «ограблением страны» и «поддержанием собственного статуса», должна обратиться в русло русской идентичности, к русскому духу, к русской идее. Дугин предлагает нечто вроде теста, после прохождения которого человек может быть допущен в политическое учреждение: вместо знания, например, текстов песен Пугачевой или Розенбаума представитель элиты должен будет держать экзамен по софиологии Флоренского или Булгакова, суметь процитировать Ахматову, Цветаеву и Гумилева.

Федор Иванович Гиренок — советский и российский философ. Он является лидером движения русского философского археоавангарда, автором концепта русского космизма, одним из теоретиков неовизантизма. Русский археоавангард исходит из того, что жизни достаточно языка чувств, а истине — языка мышления. Но язык мышления неприменим к жизни. Запад, по мнению Гиренка, отличается от России тем, что со времен Хайдеггера у него остался только один страх — страх перед Ничто (эссе «Эйдосы русской империи»). Русский же человек все еще подвержен страху, в котором ему являет себя Бог. Русскому не свойственно стремиться к власти, потому что он понимает, что невозможно не сломаться, противостоя ей.

Русские не могут, утверждает Гиренок, вращаться только вокруг своего «я», у них нет пресловутой ницшевской «воли к власти». Не защищенная соборная душа русского человека постоянно сталкивается с автономным волевым началом человека западного, убившего Бога и отказавшегося от души. В истории был только один случай, говорит Гиренок, когда властная машина «сломала свои зубы о человека», — пример Иисуса Христа. По той же причине русские всегда смеются над процедурой любых выборов, ведь любая власть в России устанавливается Божеством, ее делегирует сам Хри-

стос. Только тот, кто может жертвовать собой, способен залатать дыры, которые образуются в социальных машинах. При этом каждый человек абсолютно свободен и абсолютно ответствен, обладая имманентно присущей ему позицией Власти. Власть возникает только в той пространственно-временной точке, когда кто-то объявляет себя носителем Власти, а это абсолютно волонтарная акция, противная духу «русского». Но полная и последняя легитимация Власти происходит именно тогда, когда кто-то перекладывает на власть собственную ответственность за окружающий миропорядок, тем самым он передает власти свою свободу, отказывается от права быть властью.

Западные нации ведомы интересом, единственным же интересом русской нации является она сама. Власть для нее — необходимая опора, которая позволяет каждому «подняться», «встать». Русская национальная идея, восклицает Гиренок, «в нас самих», «в невозможности нашего существования». Мы социально пассивны, романтичны; притом что Запад делает лишь то, что ему выгодно, русская нация — то, что ей хочется.

Западный постмодернизм, превративший рынок в нечто имманентное обществу, утверждает торжество публичности, отказ от самости. Раз все отношения между людьми протекают в поле экономического, в поле социального, следовательно, в таком мире не остается следов высшей «непроявленности», «непроизведенности». Если все можно купить, приводит неожиданную житейскую метафору Гиренок, у неподкупного тоже есть своя цена — она определяется ценой услуг киллера, который устраняет этого неподкупного.

Философы неовизантизма выражают сомнение в том, что мир возможно редуцировать только до анализа языка, как это происходит в западной парадигме, — вернуть в него смысл означает расплавить предметность мира, референциальный порядок языка. Реализация идей философии архео-авангарда привела Гиренка к необходимости пересмотра всей системы философских понятий, и прежде всего, понятия «Бытие». Бытие — это не присутствие, не то, что связано со временем или местом, а то, что существует в режиме ускользания. После ускользания Бытия остается нечто временное, преходящее и в этом смысле условное. Во временном обнаруживаются следы присутствия слова, поэтому тот, кто решил пойти по следам слова, никуда не придет в силу ускользания бытия. Пути условного ведут в бесконечный тупик, в пространство пата. И в момент отсутствия истины, ее децентрирования этот язык образует замкнутое симулятивное пространство культуры.

Сверхреальное у Гиренка предшествует реальному, заставляя бессмыслицу выступать в качестве неперемного условия рождения смысла. Для того чтобы расплавить предметность мира, его референциальный порядок, нужно отказаться от идеи Другого, ведь изначальные человеческие действия связаны не с приспособлением к предметной среде, а с выражением состояния самости. Поэтому первичными действиями, считает Гиренок, являются не практические действия, а символические. Безъязыкий быт — это «дом

бытия» (выражение М. Хайдеггера), его последняя возможность, прибежище и уют.

В эссе «В чем смысл жизни» автор вводит противопоставление между событием и смыслом. Человек, по мысли Гиренка, может придерживаться в жизни лишь двух стратегий — считать, что в мире уже для него есть место, а ему остается лишь занять его, не проиграв в конкурентной борьбе, либо жить с осознанием того, что все то, что есть в мире, стало иметь смысл только благодаря самому человеку. Людей, выбравших первую стратегию, Гиренок сравнивает с детьми, которые играют в игру «займи стул». Но ведь часто случается так, что такой человек занимает не свой стул или не занимается никаким стулом вовсе. Тогда ему приходится возвращаться к первой модели — искать и устанавливать смысл самостоятельно. Главным врагом смысла философ видит события, которые разрушают мир «обжитого», «подручного» (по выражению Хайдеггера), — чем больше в мире событий, тем меньше человек способен уловить за ними смысл. Это касается и жизни каждого отдельно взятого человека — жизнь современных людей похожа на гонку за внешними событиями, что не оставляет возможности для извлечения смыслов, «для заключения договоров с самим собой».

Гиренок вводит противопоставление ума и сознания: ум действует через язык, который имеет свои границы, сознанию же язык не нужен — ему достаточно чувства, эмоции. Эта концепция предлагает связать сознание и мысль с эмоцией, а не разумом, и, следовательно, с воображением и стремлением человека обозначить свой собственный мир, в отличие от реальности, насаждаемой социумом, языком. Дословность чувства начинает противостоят симуляциям рефлексивного сознания, временному. Симуляции ума могут привести к безумию, дословность чувства — к бесчувствию.

Рефлексия, в свою очередь, — это работа языка, хотя иногда она даже опасна, потому что находит смыслы, которые выше жизни. Гиренок приводит пример Кириллова из «Бесов», нашедшего такой смысл и покончившего с собой, противопоставляя ему другую героиню Федора Михайловича — Кроткую, которая ничего не знала о своем уме, но при этом жила чувством, эмоцией.

Современная западная культура и западная философия в представлении Гиренка — культура людей интеллектуальных, но не мыслящих. Философ выражает сомнение в том, что философию возможно редуцировать только до анализа языка, как это сейчас происходит в западной парадигме. Человек, восклицает автор, больше, чем язык, который он использует.

Неовизантизм выступает центром сопротивления обществу тотального нигилизма, в которое, по мнению неовизантийцев, стремительно скатывается человечество, в мир безумства матричных систем, принудительно навязываемый Западом всему человечеству. Концепция неовизантизма — правая антилиберальная идеология, которая противоречит «европейской» и «англосаксонской» цивилизациям. Действия современной России дают повод думать, что она прямо проводит в жизнь стратегию евразийцев. Какова в этом роль геополитических доктрин Дугина и Гиренка, неизвестно, но их доктрина во многом совпадает с нынешней внешней политикой России. Ряд

критиков считает, что у страны опасная перспектива. По их мнению, представленная неовизантийцами стратегия — формула катастрофы, ведь путь евразийства — это дорога вечной конфронтации, активизация пропаганды ура-патриотизма и политики изоляционизма.

Философ Мераб Мамардашвили, анализируя извечный спор между западниками и славянофилами о так называемом пути России, замечает, что наша страна постоянно возвращается в одни и те же ситуации, каждый раз пытаясь дать ответы на одни и те же вопросы: *Страну, в которой мы живем, я бы назвал страной вечной беременности. Ведь это действительно адское состояние: никак не разрешиться от бремени... Почти через сто лет, когда появилась «Черная сотня», мы снова имеем дело с той же раскладкой политических сил и возможностей: большевики и «патриоты»* [1, с. 144].

По Мамардашвили, это вызывает одни и те же надежды, которые почему-то всегда ведут к падению в бездну рабства и нигилизма. Те проблемы, с которыми сталкивается современная Россия, не решаются на уровне экономики, политики, борьбы правых и левых, коммунистов и демократов. Их решение лежит внутри каждого конкретного человека: *Незавершенность опыта — отсюда вся тягомотина дурных повторений и бесконечных адовых мучений. Когда нужно жевать один и тот же кусок, — это и есть Россия XX века... Как и 150 лет назад, в свое время не был завершен опыт...* [1].

Неовизантийцы, в отличие от философов русского постмодернизма, склонны выработать метанаррации. Для того чтобы расплавить предметность мира, его референциальный порядок, то есть проникнуть в саму реальность, а не взаимодействовать с безликими формами, отражающими ее в языке, Гиренок призывает отказаться от идеи Другого, одной из ключевых идей постмодернистского поиска. Отказываясь от Другого, русский архео-авангард выбирает «самопричинение» — нетождественность человека самому себе, которая позволяет индивидууму воздействовать на самого себя.

Философы-неовизантийцы тоскуют о божественном присутствии, которое покинуло бытие. В их понимании мир, приравненный к миру западному, захвачен тотальным нигилизмом. Чтобы Россия «проснулась», утверждает Дугин, элита неизбежно должна обратиться в русло русской идентичности, к русскому духу, к русской идее.

Литература

1. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1992. С. 144.
2. Дугин А. М. Первые мысли об уходе Суркова. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/856649/> (дата обращения: 20.09.16).
3. Дугин А. М. Это великая война континентов. Записано П. Акоповым // Взгляд. 2014. 20 февр.
4. Дугин. А. М. Постгносеология. URL: <http://konservatizm.org/konservatizm/books/011012125445.xhtml> (дата обращения: 21.10.16).

PHILOSOPHY OF NEO-BYZANTIUM: SEARCH FOR "THE RUSSIAN IDEA"

Aleksandr A. Vinnichuk

Research Assistant, Department of Culture, Ethics and Aesthetics Theory, Institute of Philosophy, Social and Political Sciences, South Federal University
105/42 Sadovaya St., Rostov-on-Don 344006, Russia
E-mail: a250290@ya.ru

Based on the method of philosophical reflection and the historical genetic method we have investigated evolution and trends of neo-Byzantium and archeoavantgarde in Russian social and philosophical thought, using as examples the journalistic texts. The basic range of philosophical ideas of neo-Byzantium, prospects for the development of this trend are revealed. Neo-Byzantium is represented as a center of resistance to the society of total nihilism, into which humanity is descended, especially Western society. At the same time the philosophical thought of the neo-Byzantines raises the geographical position of Russia to the level of a symbol of the highest order. According to a number of critics, this strategy is presented as a formula of catastrophe, since the path of Eurasianism is the way of eternal confrontation, propaganda of Kwasnoy patriotism and policy of isolationism.

Keywords: neo-Byzantium, Eurasianism, arheomodern, the Russian idea, Westerners, Slavophiles, arheoavangard, society, West, nihilism.